

Концепт «время» представляет собой сложный феномен, отражающий многие грани человеческой жизни и определяющий категории сознания человека [1, с. 93]. Отношение ко времени и его восприятие отражаются в языке и влияют на характер и поведение людей, отсюда важность концепта для изучения и понимания культуры страны.

Например, в русском языке даются следующие определения понятию «время», которые отображают отношение к концепту «время» в русском языковом сознании:

- 1) одна из форм (наряду с пространством) существования бесконечно развивающейся материи – последовательная смена ее явлений и состояний;
- 2) продолжительность, длительность чего-н., измеряемая секундами, минутами, часами;
- 3) промежуток той или иной длительности, в который совершается что-н., последовательная смена часов, дней, лет;
- 4) определенный момент, в который происходит что-н.;
- 5) период, эпоха;
- 6) пора дня, года;
- 7) в грамматике: категория глагола, специальными формами относящая действие в план настоящего, прошлого или будущего [2].

Отношение к концепту «время» в китайском языке мы рассмотрим на примере понятия 时间 *shíjiān* ‘время’, а точнее элемента 时. Этот элемент, кроме того, что входит в состав этого слова, также является самостоятельным и имеет много значений, выражающих отношение ко времени в китайском языковом сознании:

- 1) час;
- 2) время года, сезон;
- 3) эпоха, эра, времена, век;
- 4) подходящий момент, удобный случай;
- 5) время, течение времени;
- 6) свое время, данное время, современность;
- 7) назначенное время, положенный срок [1, с. 95].

Для отображения различий концепта «время» в русском и китайском языковом сознании сравнительный анализ данного понятия нами был проведен по следующим критериям: линейность/нелинейность и цикличность/нецикличность.

I. Линейность/нелинейность.

Для носителей русского языка характерно линейное отношение ко времени. Это значит, что оно идет от прошлого через настоящее к будущему.

Поток времени движется вперед, поэтому то, что было, уже не вернуть. Человек должен жить настоящим и планировать свое будущее. В таком понимании время является ограниченным ресурсом. Поэтому в культурах, воспринимаящих время линейно, развивается стремление к его эффективному использованию [3, с. 36].

Это фиксируется в таких языковых выражениях (в загадках, пословицах), как:

- 1) время, как воробей, упустишь – не поймашь;
- 2) время не ждет;
- 3) век долог да час дорог;
- 4) деньги пропали – наживешь, время пропало – не вернешь;
- 5) поздно встал, день пропал;
- 6) «годам нет возврата», и хором бабушки твердят: «Как наши годы-то летят» («Евгений Онегин»).

Для Китая не характерна линейная модель времени. Если русскоговорящий человек, с присущим ему линейным восприятием времени, смотрит в будущее, то в Китае люди повернуты лицом в прошлое. Движение в прошлое в китайской культуре активно, встреча с будущим – пассивна, оно само настигает человека.

Подтверждение этому можно найти в самом китайском языке. Например, иероглиф 前 *qián* означает ‘спереди’, а 后 *hòu* – ‘сзади’. Словосочетание 前人 *qiánrén* переводится как ‘предшествующие поколения’, а 后人 *hòurén* – ‘последующие поколения’ [4, с. 37]. Наблюдатель или говорящий как бы повернут лицом в прошлое, делая шаг по этому пути, он удлиняет историю еще на одно поколение. Тем самым он уступает место поколению, следующему за ним. Человек мыслится как активное начало,двигающееся навстречу истории [5, с. 50 – 61].

II. Цикличность/нецикличность.

Для русскоговорящих людей не характерна циклическая модель времени. Для нас жизнь – это прямая, и то, что было, уже не повторится.

В отличие от русского понимания времени для Китая характерна идея мифологического времени, а основополагающим свойством времени является цикличность. События не просто следуют одно за другим, а повторяются вновь и вновь: встаёт и садится солнце, времена года сменяют друг друга, люди рождаются и умирают. Все проблемы обязательно возникнут снова, а люди будут становиться только мудрее и опытнее [6].

В древние времена человек зависел от окружающей природы. Ритм жизни описывался через наблюдаемые явления окружающего мира. Это и стало причиной возникновения идеи цикличности времени. Лунные ритмы и фазы луны считались очевидной единицей времени.

Отображение цикличности лунных ритмов можно найти и в самом китайском языке. Само слово 月 *yuè* ‘луна’ изначально представляло рисунок новолуния и теперь обозначает значение месяца, а также многие иероглифы, обозначающие значение времени, имеют в своем составе графему 月, например, слово 望 *wàng* ‘15-й день каждого месяца по лунному календарю’, 朝 *zhāo* ‘ранее утро’, 期 *qī* ‘срок’ и т. д. [6].

Специфической для китайской культуры является ценность точного попадания во время, ценность умения без видимых усилий соответствовать изменяющейся ситуации. Китайцы относятся к расписанию как таковому с заведомой гибкостью. Они допускают возможность изменить его в самый последний момент и вообще как-то изменить планы, если обстоятельства изменились.

Китайцы умеют выжидать наиболее подходящий момент. Они верят в то, что ожидание порождает этот момент. Но из этого не следует, что китайцы медлительны. Скорости в китайской культуре уделяется большое значение. Однако суть быстроты заключается не только в том, чтобы какое-то дело сделать быстро, но и в том, чтобы поймать момент. Восточные люди вместо того, чтобы решать проблемы непосредственно одну за другой, обдумывают все несколько дней, недель, прежде чем связать себя обещанием [5, с. 50–61]. Эти черты поведения и характера отразились в пословицах и выражениях китайского языка:

1) 欲速则不达 *Yù sù zé bù dá* ‘Если гонишься за быстротой – не достигнешь’;

2) 机不可失, 时不再来 *Jī bù kě shī, shí bú zài lái* ‘Не упускай шанс, ведь вряд ли появится другой’;

3) 三思而后行 *Sān sī ér hòu xíng* ‘Приступай к действию, лишь трижды его обдумав’.

Но нельзя сказать, что в русском языке время строго линейно, а в китайском – строго циклично. Каждому из языков присущи элементы линейности и цикличности.

Например, в древности носителями русского языка также воспринималось время циклично наряду с линейной моделью времени. Циклическое восприятие времени у древнейших славянских народов отражается в общем происхождении слов «время» и «вертеть», «вращать». Линейная протяженность человеческой жизни отражалась в лексеме «век», связанной со словами «виться», «развиваться» [5, с. 50–61].

На сегодняшний момент такое сочетание повлияло на поведение и характер русскоговорящих людей. Отличительной особенностью является то, что, несмотря на отношение ко времени как к ценности, время для русских связано не с поставленными целями, а скорее, с людьми и событиями. Лучшая форма инвестирования времени для русскоговорящих людей – межличностное взаимодействие. Активные натуры предпочитают заниматься сразу несколькими делами.

Распределение времени у русских подчинено, скорее, не делу, а эмоциям. Они в первую очередь учитывают, какую эмоциональную и личную пользу принесет это дело, поэтому не придают значения пунктуальности, педантичности и строгому соблюдению графиков и планов. Они убеждены, что постоянно меняющиеся обстоятельства гораздо важнее любых договоренностей и расписаний.

Точно так же характерны черты линейности времени в сочетании с цикличностью и китайской нации. Расписания и графики в китайской культуре

гибкие, а пунктуальность строго соблюдается. В Китае считается вежливым прийти на встречу на 15 минут раньше и решить все проблемы до намеченного срока, а также считается уважительным, когда спустя какое-то время после начала встречи один из участников сообщает о том, что ему скоро придется уйти. Это делается, чтобы сэкономить время, которое они у собеседников отнимают. Разумеется, китаец не уйдет раньше, чем дела будут завершены, а суть дела выявлена.

Китайцы обладают острым чувством ценности времени. Это особенно заметно в их отношении ко времени, отнятому у других людей, за что они часто извиняются. В Китае принято при завершении встречи благодарить участников за то, что они затратили свое драгоценное время [7, с. 94].

Таким образом, восприятие времени в китайской и русской культурах одновременно основано и на линейной, и на циклической модели, но при этом русскоговорящие предпочитают не тратить время зря и делать несколько дел одновременно, в то время как китайцы будут долгое время обдумывать все нюансы, прежде чем приступить к делу. Для представителей русской культуры не являются ценностью такие качества, как пунктуальность и педантичность, точность выполнения графика. Китайцы же чрезвычайно пунктуальны и относятся ко времени собеседника как к ценности. При этом к графикам и расписаниям отношение довольно свободное. Это объясняется тем, что для них является важным поймать мгновение, то есть сделать все в наиболее подходящий для этого момент.

После проведения сравнительного анализа можем сделать вывод, что восприятие концепта «время» в обеих культурах довольно схоже, однако отношение к нему отличается. При взаимодействии представителей этих культур необходимо учитывать особенности и различия в отношении к данному концепту и тогда сотрудничество окажется более плодотворным и приятным для обеих сторон.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каминская, И. В. Концепт «время» в русской и китайской лингвокультурах / И. В. Каминская, О. В. Чибисова // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. – 2012. – № 35. – С. 93 – 103.
2. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://www.ozhegov.org>. – Дата доступа : 13.12.2018.
3. Пушных, В. А. Межкультурный менеджмент : учебное пособие / В. А. Пушных, М. С. Ерёменко. – Томск : Изд-во Томского политехнич. ун-та, 2011. – 180 с.
4. Тань, Аошуан. Китайская картина мира : Язык, культура, ментальность / Тань Аошуан. – Минск : Язык славянской культуры, 2004. – 240 с.
5. Сериков, А. Е. Восприятие времени в китайской культуре / А. Е. Сериков // Вестник Самарской гуманитарной академии. – 2016. – № 2. – С. 50 – 61.
6. Лю, Чуньмэй. Восприятие концепта «время» в русском языке с точки зрения носителя китайского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Лю Чуньмэй. – Москва, 2009. – 150 л.
7. Льюис, Р. Д. Деловые культуры в международном бизнесе : от столкновения к взаимопониманию / Р. Д. Льюис. – Минск : Дело, 2001. – 448 с.